

«Я склоняюсь к мысли, что музыка в сущности не делится на балетную, оперную, симфоническую, эстрадную, но делится просто на две категории: хорошую и плохую. Причем плохая музыка — это уже не музыка»

Борис Тищенко — Газете

опыт *Гайдун-2004-28 марта с 12*

«Я прошел огонь, воду и некоторое количество труб»

Композитор
Борис Тищенко —
Газете

Борис Тищенко: «Почти все время, которое у меня высвобождается, я сижу и пишу» Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Для композитора Бориса Тищенко нынешний год — юбилейный: ему исполняется 65 лет. Первый из авторских концертов композитора состоится завтра в Большом зале Петербургской филармонии. В программе, в частности, российская премьера Четвертой «Данте-симфонии» Тищенко, входящей в монументальную «хоресимфоническую цикладию», составленную из пяти симфоний. Перед концертом с Борисом Тищенко встретилась Гюляра Садых-заде.

8 Как трансформировался первоначальный замысел глобального проекта из цикла симфоний по поэме Данте «Божественная комедия» за прошедшие пять лет и во что он вылился? Вначале сочинение задумывалось как балет...

Кроме последней, пятой, симфонии, все остальные уже написаны и исполнены. Моя затея — охватить в пяти симфониях все содержание «Божественной комедии» Данте, включая предысторию. Причем передать основные образы и события поэмы исключительно в симфонических формах. Как вы помните, «Божественная комедия» начинается со слов: «Свой путь земной пройду до половины, я очутился в сумрачном лесу...» Я задал себе вопрос: а что же происходило в первой половине жизни Данте? Ответ на него я частично нашел в самой «Божественной комедии», в том самом месте, где Данте встречается с Беатриче. Встреча описана в тридцатой песне «Чистилища». Там, на границе чистилища и рая, Беатриче грустно и с внутренним чувством скорби упрекает Данте за все то, чем он грешил в первую половину жизни, до того, как они расстались. Беатриче, возлюбленная поэта, умерла в 1290 году в возрасте двадцати пяти лет. И попала в рай. Как себя вел Данте при ее жизни и после ее смерти — этому и посвящен монолог Беатриче.

Содержание его стало основой для Первой симфонии, названной по словам Беатриче: «Меня покинув, он ушел к другим...» Соответственно в Четвертой симфонии — «Чистилище» — этот момент опущен. Кроме того, я почерпнул факты из «Новой жизни», где Данте описал, как они с Беатриче встретились в детстве, как полюбили друг друга. Многие я домыслил и додумал, зная биографию Данте и то, каким страстным и увлекающимся юношей он был. Ведь Данте был настоящим борцом за справедливость, активным политиком, сражавшимся против папской власти. Существующее в наши дни слово «диссидент» лишь в малой доле передает весь накал борьбы, которую вел Данте против папизма. Говоря современным языком, Данте был сторонником отделения церкви от государ-

ства — не больше и не меньше. За что и поплатился: был отлучен от церкви, изгнан из его любимой Флоренции и приговорен к смертной казни. «Пройдя жизнь до половины», он оказался без крова, без друзей, без возлюбленной. С этого момента и начинается поэма.

Но как именно вы отражаете эти борения, гонения и биографические перипетии Данте в симфонической музыке? Предпослана ли вашим симфониям развернутая литературная программа? Безусловно. Я привожу цитаты из Данте.

Первая симфония трехчастна и повествует о встречах Данте с Беатриче, когда они были детьми. Дальше я придумываю мизансцену: прибегают дети, начинают играть, затем Данте убегает от Беатриче, она остается одна. В средней части Беатриче и Данте повзрослели. Я вообразил себе, какой карнавал мог быть устроен в те годы во Флоренции, и написал довольно грубую карнавальную музыку. Данте опять покидает Беатриче, в разгар праздника она остается одна. Потом Беатриче умирает. Музыка описывает смерть Беатриче и горе Данте. В финале симфонии живописуется битва двух противоборствующих политических группировок, в которой «белые» наголову разгромлены. Данте осужден на смерть и вынужден покинуть отечество. Он остается один, в этом самом «сумрачном лесу». Его окружают злобные тени, символизирующие грехи: левизна, рысь, волчица. Данте утрачен. С этого момента начинается Вторая симфония, в которой описаны первые шесть кругов ада. В Третьей симфонии соответственно — последние, самые страшные круги, с седьмого по девятый: эти круги гораздо больше населены, чем первые шесть. В восьмом круге есть еще десять «злых щелей», рвов, которые, по сути, тоже являются кругами. Поэтому Третья симфония оказалась самой продолжительной частью хоресимфонической циклады — так я назвал свое сочинение. Других слов мне на ум как-то не пришло. Понимаю, что слово неуклюжее: «циклада». Но симфоническая форма сама по себе — цикл. А как же тогда назвать не-

сколько симфоний, объединенных одной темой и сюжетом — цикл циклов?

Но почему — «хоресимфоническая»? Потому что Данте в поэме детально описывает не только каждое движение, но даже каждый жест героев. Это уже почти готовое либретто для балета.

Я все более склоняюсь к мысли, что музыка, в сущности, не делится на балетную, оперную, симфоническую, эстрадную, но делится просто на две категории: хорошую и плохую. Причем плохая музыка — это уже не музыка. Теперь грани между видами и жанрами музыки представляются мне весьма условными и искусственными. Мой балет «Двенадцать» прекрасно исполнялся на сцене Большого зала Филармонии. Балет «Ярославна» тоже вполне может звучать с концертной сцены. Я не говорю уж о балетах Стравинского, которые звучат в концертах гораздо чаще, чем в театрах. И это — к лучшему; на мой взгляд, театр накладывает негативный отпечаток даже на самый лучший образ исполненной музыки. Хотя бы потому, что в театре музыка звучит приглушенно, из оркестровой ямы. Кроме того, театры завешены бархатными драпировками, которые гасят акустику зала. Все эти плюшевые кресла попросту губят музыку. Вот почему я сторонник того, чтобы музыка звучала в концертном зале. Моя музыка не только исходит из образов, созданных в поэме, но и придерживается той последовательности, в какой они там появляются. Моя музыка даже в достаточной степени иллюстративна. Не боюсь в этом признаваться: я прошел огонь, воду и некоторое количество труб и уже научился бороться с иллюстративностью как таковой. И как ее подчинять музыкальным законам, я знаю.

Каков ваш жизненный уклад в последние годы?

Такой же, как всегда. Моя жизнь наполнена в основном тремя видами музыкальной деятельности: я сочиняю музыку, играю на рояле и преподаю в консерватории. Почти все время, которое у меня высвобождается, я сижу и пишу. Много занимаюсь на рояле: стал чаще концертировать. Последний раз выступал прошлой осенью, в Малом зале Филармонии. Помню, мне позвонили из зала и предложили открывать у них сезон. Я испытал законное чувство гордости, выступая в зале в день рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича; как вы знаете, по традиции сезон в Малом зале всегда открывается в этот день, двадцать пятого сентября. Мне предложили самому подобрать программу: я выбрал «Сатиры» Шостаковича

на стихи Саши Черного, его же фортепианный квинтет и мой вокальный цикл «Дорога», посвященный моему учителю, Дмитрию Дмитриевичу. Такой вот получился тематический концерт, и я был страшно горд тем, как он прошел.

В этой связи мне вспоминается анекдот про замечательного композитора Александра Константиновича Глазунова. Как-то раз он дирижировал своей Восьмой симфонией в Малом зале консерватории. После концерта его окружила толпа поклонников и почитателей: они шумно выражали свои восторги, но Александр Константинович почему-то становился все мрачнее и мрачнее. Когда его спросили: «Почему вы так мрачны? Ведь вы написали замечательную музыку, такая симфония, такой успех!» Он ответил: «Все хвалят меня как композитора, но никто не сказал ни слова о том, какой я дирижер!» Сейчас в связи с работой над симфоническим циклом по Данте я сделал довольно продолжительную паузу в моей пианистической карьере. Мне нужно закончить цикл: осталось написать Пятую, последнюю, симфонию под названием «Рай». Еще одно существенное направление моей работы — это педагогика. Я преподаю по классу композиции в Санкт-Петербургской консерватории. Считаю преподавание делом моей жизни, без которого я, честно говоря, не мыслю своего существования. У меня подобрался очень большой класс. По меркам класса композиции — экстремально большой. Если обычно у одного педагога занимают пять-шесть, максимум семь студентов, то у меня бывает и по пятнадцать, и по шестнадцать, однажды число студентов дошло до двадцати.

Ваше сочинение по Данте получится масштабным — и если по нему будет поставлен балет, нужно учесть и время на антракты.

И хорошо, пусть в антрактах публика отдохнет. В общем, «чистой музыки» будет примерно три часа двадцать минут плюс два антракта по полчаса. Получится полноценный, большой балетный спектакль. Но я не исключаю и двухвечерний вариант. Впрочем, речь о постановке балета пока еще не заходила. Давным-давно, еще при прежнем руководстве Большого театра, со мной велись переговоры. Но потом там произошел дворцовый переворот, даже два, и все заглохло.

Сейчас я не стремлюсь к постановке и никаких активных действий в этом направлении не предпринимаю. Начинаться же история так: ко мне приехал Александр Викторович Медведев и спро-

сил: не напишу ли я для Большого театра балет по «Метаморфозам» Овидия? Я сказал, что напишу с удовольствием, но только после того, как напишу балет по «Божественной комедии» Данте.

Он воскликнул: «Данте — так это еще лучше!» Привез меня в Москву, мы свиделись с Васильевым. Дело начало завязываться, даже составили в канцелярии договор, в который я просил включить пункт о том, что автор категорически запрещает вносить изменения в партитуру.

Тогда как раз начиналось строительство филиала театра, и они хотели моим балетом открывать новое здание.

Когда художественным руководителем стал Геннадий Рождественский, я написал ему письмо. И он вцепился в эту идею, стал вслух говорить об этом. Спрашивал, какого балетмейстера я предпочитаю.

При Рождественском, наверное, получил бы, если б Геннадий Николаевич не порвал с Большим театром. Сейчас мои друзья ведут переговоры с Мариинским театром, не знаю, что из этого выйдет. Но я событий не форсирую.

Сколько дней в неделю вы заняты в консерватории? Два дня.

А остальное время занимаетесь сочинением и роялем?

В общем, да. Но сейчас, например, раздался звонок, и консерватория придет ко мне на дом. Так что двумя днями дело не ограничивается. Ко мне домой приходят мои студенты, когда не хватает времени дозаниматься в классе. Приходят абитуриенты проконсультироваться перед поступлением. Мой дом — тоже класс.

Как вы делите гостиную с вашей женой Ириной? Тут, я вижу, стоят две арфы: наверное, и к ней приходят ученицы?

Мы договариваемся и делим комнату по времени. А если у кого-то цейтнот, то я остаюсь в этой комнате, где стоит рояль. А она перетаскивает арфу на кухню и занимается там. К ней приходит масса народу, у нас постоянно кто-то в доме. Каждый играет свое и в свое время. Как говорил Бах, когда его просили научить игре на клавесине: «Это же очень просто! Нужно только ставить правильные пальцы на правильные клавиши в нужное время».

Сейчас, когда президентский грант пролился золотым дождем на консерваторию, жить стало лучше?

Как говорил Зоценко, деньги не являются целью наших поступков, но некоторое влияние в дело они все-таки вносят. Весомая добавка к зарплате существенно изменила наше самоощущение. По-другому себя чувствуешь, когда не нужно думать, где подхалтурить, чтобы свести концы с концами.

Теперь же можно жить и работать, не думая о куске хлеба. И это очень приятно. Предполагаю, что этот грант — результат дружбы нашего нынешнего ректора, Сергея Ролдугина, с президентом. И слава богу; музыканты в наших лучших театрах и оркестрах не должны жить впроголодь. Знаете анекдот? Дирижер в МАЛГОТе останавливает оркестр и говорит: «Гобой, вы же фальшивисте! Вы что, не можете сыграть эту фразу чисто, ясно и выразительно?» А гобой отвечает: «Как платят, так и играем».

Композиторская деятельность приносит вам какие-то дивиденды?

Мне — приносит. Но я еще в детстве, когда решил стать композитором — а это произошло в семилетнем возрасте — твердо сказал себе, что сочинение музыки не буду считать источником дохода и инструментом добычи средств к существованию. Буду работать, жить на зарплату и писать в свое удовольствие. Эта программа осуществилась и проходит сквозь всю мою жизнь.

газета

ученик Шостаковича

Борис Иванович Тищенко родился 23 марта 1939 года в Ленинграде. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции у Дмитрия Шостаковича (1962) и у него же — аспирантуру (1965). Получил второй диплом как пианист. В 1966-м получил первую премию на международном композиционном конкурсе в Праге. Автор пятнадцати симфоний (в их числе четыре «Данте-симфонии»), балетов «Двенадцать» по поэме Блока, «Ярославна» по «Слову о полку Игореве», триады музыкальных спектаклей на сюжеты Чукковского: балет «Муха-цокотуха», опера «Красное солнце», оперетта «Тараканище», — а также монументального «Реквиема» на стихи Ахматовой. Его сочинения исполняли крупнейшие музыканты: Мстислав Ростропович, Кирилл Кондрашин, Евгений Светланов, Геннадий Рождественский.